

УДК 94(437.3)

**ИЗМЕНЕНИЯ ИМИДЖА МОЛОДОГО КЛЕМЕНТА ГОТВАЛЬДА
ПОСЛЕ 1948 ГОДА****Юрай Бенко**

Статья посвящена анализу имиджа президента ЧССР Клемент Готвальда в период его деятельности в Словакии, входившей в состав социалистической Чехословакии (1948–1989). Эта часть жизни Готвальда, представлявшая непродолжительный и специфический период в самом начале политической карьеры, предшествовала его карьерному росту в структурах как Коммунистической партии Чехословакии, так и государственной власти. В центре внимания автора – два произведения, посвященные исследованию этого периода и появившиеся на двух разных этапах социалистической диктатуры: историческая монография Зденки Голотиковой, увидевшая свет в 1953 г., а также словацкий исторический кинофильм «Зрелая молодость» (1983 г.). В период между появлением этих двух произведений изменилось состояние исторического познания. В 1960-е годы из историографии исчезли многие интерпретационные догматические схемы, включая и образ молодого Готвальда, утратившего прометеевский пафос. Однако последовавший затем период нормализации повернул вспять этот процесс, что не могло не отразиться и на фигуре Готвальда, который снова был превращен в стабилизирующий элемент режима. В результате каноническое изображение молодого Готвальда в двух указанных произведениях, как и в других работах, не претерпело существенных изменений. Образ изменился, скорее, в деталях, но они являлись в основном свидетельскими. Исследование показывает, как изменения политической ситуации в Чехословакии и Советском Союзе оказывали влияние на появление или изъятие из исторического контекста той или иной фигуры. Наличие или отсутствие исторических фигур – соратников Готвальда в период формирования коммунистического движения в Словакии в 1920-е гг. – в официальной памяти режима являлось в меньшей степени отражением исторической реальности, а в большей – следствием отлучения и реабилитации в рамках коммунистического движения.

Ключевые слова: Клемент Готвальд, историография, историческая память, социалистическая диктатура, Чехословакия 1948–1989, пропаганда, кинофильм.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта «Kontinuity a diskontinuity politických a spoločenských elít na Slovensku v 19. a 20. storočí» («Непрерывность и прерывность политической и социальной элиты Словакии в XIX и XX веках»), поддержанного Агентством поддержки исследований и развития, договор № APVV-14-0644.

Статья переведена в рамках проекта РФНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Бенко Ю. Изменения имиджа молодого Клемент Готвальда после 1948 года // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 136–153.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-136-153

Коммунистическая диктатура в Чехословакии формировалась после 1948 г. по советской модели, с помощью Советского Союза и под его контролем. Во многом она являлась отражением сталинского режима на его поздней стадии.

Сходство было значительным также и в одной из специфических системных черт сталинского режима – в **культе личности**. Зарождение культа личности И. В. Сталина в Советском Союзе восходит к концу 1920-х годов [7, s. 450; цит. по: 1]. В Чехословакии он стал составной частью официальной пропаганды и культуры после прихода к власти Коммунистической партии Чехословакии в феврале 1948 года. Он функционировал параллельно с намного более молодым, но не менее мощным культом лидера КПЧ, а с 1948 г. и президента Клемента Готвальда. В отличие от СССР, культ личности в коммунистической Чехословакии просуществовал гораздо меньше времени; не произошло его безбрежного расширения и использования всего потенциала. Критика же культа Сталина Хрущевым получила резонанс и у его сателлитов, включая Чехословакию, где в конце 1950-х гг. проходило устранение основных негативных тенденций этого периода. Одним из конкретных результатов переоценки предшествующей практики властей явился следующий факт: тело Готвальда, тщательно подготовленное после смерти для бальзамирования и выставленное в его собственном мавзолее по образцу Ленина, Сталина и Г. Димитрова, в 1962 г. в конце концов было кремировано.

Культ вождя в процессе советизации служил, прежде всего, стабилизации режима и интеграции общества. Фигура Готвальда являлась зачастую предметом, в первую очередь, монументальных и портретных изображений. Этот метод изображения производил особенно сильное впечатление, оптимально выполняя функцию глорификации вождя, а его создатели не должны были слишком обременять себя историческими реалиями. Как раз поэтому в жанрах, в которых не так просто избежать исторического контекста, реалий и детализации его жизни, например, в исторической монографии или в документальном кино, работ, изображающих жизнь «первого рабочего президента», значительно меньше. Но и они в большей степени концентрируются, скорее, на другой части его политической карьеры – вхождении во власть во второй половине 1920 гг., и в первую очередь на финальной фазе его восхождения на политический Олимп. Фундаментальных работ, в которых предметно рассматривается деятельность Готвальда в Словакии в 1921–1924 гг., т. е. в начале его политического пути, всего несколько. Собственно говоря, их всего лишь две: монография Зденки Голотиковой «Клемент Готвальда в Словакии в 1921–1924» [5], вышедшая в 1953 г., а также исторический фильм «Зрелая молодость» («Zrelá mladost») (1983 г.) [см. также 11]. Даже при их чувствительном отношении к другим темам режима они не приняли иного подхода, кроме явного обожания.

Молодой Готвальд Зденки Голотиковой

В настоящей статье предпринят анализ двух указанных работ. Первая ее часть будет сосредоточена на монографии З. Голотиковой, которая представляет собой главным образом каноническую работу о Клементе Готвальде в ключевой период построения социалистической диктатуры советского типа в Чехословакии – в пятидесятые годы. Во второй части рассматривается вышеупомянутый фильм.

Единственным цельным трудом в Словакии, посвященным пребыванию и деятельности К. Готвальда в Словакии в течение нескольких лет, является книга

З. Голотиковой «Клемент Готвальд в Словакии в 1921–1924 гг.», изданная в 1953 году [6]. Если бы мы искали в ней исчерпывающий ответ на вопрос, кто ожидал в Быстрице Готвальда, прибывшего в сентябре 1921 г. в Словакию, и кто в последующие годы составлял неотъемлемую часть его политической жизни, мы нашли бы лишь искусную историографическую ретушь. Сохранившимися остались только те, кто оставался верным партии и ее лидеру в течение следующих десятилетий. В 1953 году, когда умер Готвальд, их политические судьбы совпадали с поэтапно создававшейся историей «революционного движения». И, напротив, в соответствии с официальной памятью, которая зарождалась в пятидесятые годы, из нее безжалостно исключались все те, кто не совпадал с нею. Вступало в действие простое правило прямой пропорциональности: чем больше личная биография касалась людей – товарищей, сопровождавших Готвальда на пути к власти, тем большую часть их работы можно было положить на алтарь культа.

Труд З. Голотиковой можно назвать, скорее, агиографическим, чем историографическим. Он вышел вскоре после кончины «первого рабочего президента», тем самым даже это событие начала 1953 г. внесло свой вклад в окончательную его версию. В то время, когда группа советских специалистов приступила к мумификации тела покойного президента, официальный дискурс в области искусства, журналистики, науки или политики полностью ориентировался на показательный траур по умершему вождю [см. также: 20, s. 283–303]. Культ личности Готвальда достиг кульминации. Как и в Советском Союзе в случае со Сталиным, так и в коммунистической Чехословакии фигура Готвальда в любой сфере становилась объектом безграничной популяризации и глорификации, но ни в коем случае не предметом критического анализа, включая даже общественные науки. Вот почему и с этой точки зрения следует трактовать этот дебют автора: считать его не столько биографией, сколько прежде всего праздничным некрологом, который должен был внести свою лепту в продвижении Готвальда на центральное место в пантеоне чехословацкого коммунистического движения.

В тот период З. Голотикова работала в Институте истории Коммунистической партии Словакии (далее КПС), основанном в памятный 1953 году. История государственной партии этим актом институционализировалась в качестве самостоятельной научной дисциплины. Создание Института истории КПС полностью отвечало проводившейся политике в историографии, свойственной и другим странам советского блока. Исследование истории партии и рабочего движения в Словакии подчинялось диктовавшейся политической линии, стремившейся «установить параллели между историей Коммунистической партии Чехословакии, Коммунистической партии Словакии и истории Коммунистической партии Советского Союза» [6, s. 111]. Организации, которые занимались исследованиями по этой теме, являлись одновременно составной частью правящих коммунистических партий.

Результатом подобного рода специализации и изоляции явилось то, что «партийная история создала чрезвычайно «чистые» и закрытые интерпретационные структуры...» [6, s. 111]. Идеологический тон задавал пражский Институт истории Коммунистической партии Чехословакии (далее КПЧ). В период жесткой централизации в государстве и партии в его режиссуре формировалась и история КПС, которой надлежало быть полностью согласованной с историей КПЧ. В целом словацкая марксистско-ленинская историография 1950-х гг. придерживалась жесткого идеологического шаблона тридцатых годов, содержавшегося в письме Сталина редакции

журнала «Пролетарская революция» в 1931 году. В нем советский лидер обращал внимание на то, что «основным источником и отправной точкой для исследования историка Коммунистической партии должны быть не архивные материалы, а постановления высших партийных органов и высших должностных лиц» [18, s. 36]. Работа Института истории КПС почти до конца 1950-х гг. велась в соответствии с этой инструкцией и в значительной степени ограничивалась решением пропагандистских задач и публикацией трудов коммунистических идеологов [6, s. 111].

Свидетели и очевидцы

Образ молодого Готвальда создается в основном с опорой на два вида источников. С одной стороны, это статьи Готвальда первой половины 1920-х гг. в словацкой коммунистической прессе; с другой – подлинность реконструированного прошлого должны были гарантировать воспоминания его соратников. В заключении труда говорится: «Данная работа написана на основе материалов, опубликованных в 1921–1925 гг. в журналах «Нас ľudu», «Pravda chudoby» и «Spartakus», воспоминаний современников Клемента Готвальда, изданных и лично собранных в Банскобыстрицком и Врутцком краях, а также с опорой на фонды документов, хранящихся в Канцелярии президента республики в Праге, в Институте истории КПЧ в Праге и в Институте истории КПС в Братиславе» [см.: 5, s. 137].

Однако в годы становления культа личности право выступать и быть выслушанным публично предоставлялось не всем свидетелям и очевидцам, а только тем, кому режим в 1950-е годы разрешал вспоминать. Их отношение к партии и членство в ней не претерпели драматических поворотов. Принцип отбора наметили составители одной из книги воспоминаний о периоде становления коммунистической партии в Чехословакии, которая была опубликована к 40-й годовщине Октябрьской революции в России. Право говорить об истории партии получили те, кто остался верен партии, в отличие от более слабых, которые «откололись и исчезли, а некоторые превратились в подлых предателей» [12, s. 390].

Тщательно отобранные свидетели деятельности К. Готвальда в Словакии становятся тем самым сотворцами его культа, что, в свою очередь, приносило им престиж и прибыль в годы становления режима и его официальной памяти. Их воспоминания о событиях, происходивших несколько десятилетий назад, выполняли актуальный «социальный заказ» (возможно, приспособившись к нему). Деформирующий и избирательный механизм индивидуальной памяти, который в работе с показаниями свидетелей являл собой основной подводный камень в критической «устной истории», стал конструктивным и желанным элементом в становлении коллективной памяти коммунистического режима. Более важной по сравнению с сочетанием свидетельств и исторических фактов явилась гармония с официальным, сфабрикованным изображением истории КПЧ.

Свидетели работы Готвальда в Банской Быстрице и во Врутках никоим образом не затеняли его деятельность¹. В движении их нельзя причислить к той категории лидеров, которые могли бы в исторической реальности либо в вымышленных событиях конкурировать с главным героем своим положением или своей значимостью. Их свидетельства и действия представляют, скорее, гармоничный хор на таком фоне, который позволял особо выделить его поступки. Это выражается даже в форме

¹ В числе названных в книге: М. Вавакова, О. Стриежа, Аргалашова.

ссылки автора на источники: часто упоминаются коллективы товарищей из Сасовой, из Вруток, из Сучан, из Быстрицы. Между центральной фигурой и хором свидетелей – зияющая пустота, которая могла бы поведать критическому читателю о том, что перед ним не картина исторической реальности, а, скорее, легенда из жизни святых.

Те же, кто вначале заполнял вакуум между святым и свидетелями его деятельности, в начале пятидесятых годов оказались за пределами представлений основателей движения и были исключены из официальной памяти.

Провалы памяти и замалчивание

Речь пойдет не о каких-то второстепенных лицах, а о ключевых фигурах словацкого коммунистического движения как в Банской Быстрице, так и во Врутках, т. е. в тех местах, где работал К. Готвальд. И хотя агиографический труд Голотиковой далеко выходит за рамки профессиональной исторической работы, нельзя не отметить: он являет собой неукоснительное соблюдение намерения автора.

С одной стороны, в деятельности заселенной людьми книги несколько раз появляется «верный соратник» Карол Бацилек. Следует упомянуть и такой пассаж: «Во Врутках, как и в Банской Быстрице, Готвальд скромно живет в секретариате партии, где у него только кровать и умывальник. Вместе с ним остается на ночлег и часто живет в секретариате его верный соратник Карол Бацилек. Такой была жизнь наших товарищей, наполненная отречением и трудом» [5, s. 55]. В момент издания книги, в 1953 г., он был, безусловно, важной и влиятельной фигурой в КПЧ, но в первой половине 1920-х гг. оказался относительно маргинальной, поскольку деятельность его ограничивалась лишь локальным уровнем коммунистического движения – организацией во Врутках. В этот период его можно квалифицировать, скорее, как трудно контролируемый радикальный элемент¹.

Роль и значение Бацилека не поддаются никакому сравнению с ролью тех, кого сложно найти в книге о Готвальде, но кто в первой половине двадцатых годов играл в словацком коммунистическом движении гораздо более значимую роль, нежели Бацилек. Если говорить об организации коммунистического движения в Банскобыстрицком крае, то нельзя обойти вниманием областного секретаря КПЧ Ладислава Шварца. А в связи с коммунистической прессой и в первую очередь с организацией женского движения трудно не вспомнить Барбору Резлерову-Шварцову. Как и Готвальд, они прибыли в Словакию из чешской среды, но, в отличие от него, были уже опытными организаторами, агитаторами и редакторами. Точно так же нельзя не упомянуть, говоря о деятельности Готвальда во Врутках, скажем, Штефана Дарулю, Людо Кореня или Гермину Пфайлмайрову. В контексте общесловацкого движения нужно назвать Матея Кршиака, Карола Светлика, Германа Таусига. И уже абсолютно немислимо именно в связи с Готвальдом пройти мимо личности Юлиуса Верчика.

Из жизни Готвальда, изображенной в книге З. Голотиковой, они исчезли, и на то имеются свои причины. Решающими в созидании официальной памяти коммунистического режима оказались исторические факты более позднего периода. Супруги Шварц в середине двадцатых годов эмигрировали в Советский Союз, но в конце тридцатых годов стали жертвами сталинских репрессий. Другие лидеры еще

¹ Verčík J. Životopis J. Verčíka I–IV. [Strojopis]. Archiv Národního muzea. Praha. F. Verčík. Kr. 1. A. j. 2b. Fol. 135–136.

в 1920-е гг. добровольно вышли из движения либо же были исключены из него. В культовом образе 1953 года им с их «ошибками», «провалами», «вероотступничеством» и «предательством» места не было. Важным критерием их лояльности можно считать 1929 год, когда была завершена программа большевизации КПЧ. Символом начала новой эры явилось занятие Клементом Готвальдом лидирующих позиций в партии. Имена большинства ближайших соратников Готвальда в Банской Быстрице или во Врутках – вскоре после этого важнейшего перелома в развитии КПЧ межвоенного периода – обнаружить в движении уже невозможно. Словацкое коммунистическое движение оказалось в глубоком упадке и из него исчезло подавляющее большинство его основателей, организаторов и агитаторов [8, s. 96].

Значительная их часть, дабы избежать абсолютного греха, вернулась к социал-демократии. Но этим они еще в большей мере теряли право на соответствующее место как в истории партии, так в официальной памяти коммунистического режима. Исключение составляет Вацлав Хлумецкий, который также в годы большевизации вышел из партии. Он был легендой социалистического движения, автором социалистических романов, поэзии и редактором социалистической и коммунистической печати, сенатором от КПЧ. В 1958 году опубликована его биография, написанная Я. Плевой [см.: 14].

В 1953 году «верный соратник» К. Бацилек, в отличие от них, находился на пике своей политической карьеры, став одним из самых важных людей в стране: первый секретарь ЦК КПЧ, член политического секретариата ЦК КПЧ, и, наконец, даже внушавший страх министр национальной безопасности, осуществлявший контроль за подготовкой и драматургией политических процессов. Это, вероятно, и позволило ему занять важное место наряду с К. Готвальдом и в далеком прошлом словацкого коммунистического движения.

Верчик vs Готвальд

Отдельную главу в эпическом образе «Готвальд в Словакии» представляет Юлиус Верчик. И не только потому, что он в тот период являлся одной из ключевых фигур в Словакии. Его взгляды также являются красноречивым мемуарным источником о молодом Готвальде. Во время пребывания в Словакии они тесно сотрудничали, организовали движение, редактировали печать и вели агитацию. Более опытный и искушенный Верчик стал, скажем так, наставником молодого Готвальда. Во второй части своих четырехтомных воспоминаний он посвящает ему множество обширных упоминаний, которые совпадают с освященным образом и вносят коррективы в сложившуюся на то время историографию коммунистической партии.

Верчик – важный источник информации об этом периоде жизни Готвальда. При нем Готвальд нашел работу, ближе познакомился с партией и идеологией, которые позднее вывели его на пост главы государства. Он делил с Верчиком жилье, причем Верчиковцы в течение некоторого времени взяли даже на себя заботу о Марте, внебрачной дочери Готвальда. Стойкий и целеустремленный Готвальд превращался в Словакии в игрока первой лиги, находясь при этом в тени Верчика. Тот был, видимо, благодаря и этому, источником воспоминаний о начинающем редакторе и администраторе, которые никак не вязались с его глорификацией, особенно тех из них, которые были абсолютно неприемлемыми для культа Готвальда. Пожалуй, наибольшей скандальностью поражают его воспоминания о встрече Готвальда со своей будущей женой Мартой Голубовой. Она якобы была

очень красивой женщиной, но легкого нрава. Ротмистр Готвальд познакомился с нею в конце 1919 г., а в августе 1920 г. у них родилась дочь Марта. Однако жить вместе с ними он не стал, а в сентябре 1921 г. и вовсе исчез в Словакии. Как вспоминает Верчик, в один прекрасный день, в 1922 г., после переезда редакций всех словацких коммунистических журналов во Врутки, в редакцию вбежала Голубова и положила на типографский станок ребенка примерно двухлетнего возраста со словами: «Вот твой внебрачный». После того, как Готвальд сбежал через редакционное окно, коммунисты Вруток накормили обоих и отправили домой. Через полгода они вернулись назад. Мрачный Готвальда утверждал, что не станет жить «с этой шлюхой». Нужно учесть, что некоторое время назад Готвальд выпустил брошюру о моральных принципах коммуниста. Отвечая на упреки своих коллег, он в конце концов признал, что Марта является лишь жертвой несправедливой капиталистической системы.

Иконописное изображение Готвальда ставили под угрозу не только воспоминания Верчика, но и весь архив того периода. Фигура Верчика в истории коммунистической партии в Словакии, особенно в первой половине 1920-х гг., в отличие от Готвальда, является доминантной. Это опровергает один из повторяющихся тезисов догматической марксистско-ленинской историографии о том, что у словацкого коммунистического движения «не было лидера» до Готвальда [9, s. 356–357]. Слишком значимый вес Верчика и свидетельства в архивном материале по истории коммунистического движения представляли для готвальдовского культа иконоборческую угрозу¹.

Поэтому удивительно, что в конце книги З. Голотиковой он все же появляется. Тем не менее он несет конкретную, хотя и воображаемую функцию – являет собой контрапункт твердому и безупречному характеру К. Готвальда, а также играет роль его побежденного политического соперника. Несмотря на щедрое признание его риторических способностей и журналистского мастерства, все последующее омрачено негативными коннотациями. В 1920 году Верчик приехал на несколько месяцев в Россию, чтобы ознакомиться с функционированием советского государства [см. подробнее: 3]. Автор приписала Верчику «склонность к демагогии и позерству, его нездоровое честолюбие и диктаторские наклонности» [5, s. 124].

Как отмечал в этом контексте Я. Млинарик, имя Верчика не было в «догматической историографии» пятидесятых годов абсолютно табуировано: «Оно повторяется слишком часто в исторических работах, однако деятельность личности, которой это имя принадлежит, совершенно не оценивается и не анализируется. Оно приводится в качестве примера постыдной позиции, как отпугивающий факт предательства, национализма и так далее... Оказалось, что «пнуть» Верчика квалифицировалось как истинное проявление научности и партийности...» [9, s. 346].

Эпитеты, характеризующие имя Верчика, отталкивающие: «опасный мародер, националист и карьерист», «агент националистической словацкой буржуазии» в словацком движении, «предатель», «ликвидатор», «оппортунист» с «преувеличенными амбициями и гигантоманией».

Однако ни добровольный выход Верчика из коммунистической партии в 1930 г., ни даже обвинения в многочисленных неудачах и политических уклонах в годы

¹ Из автобиографии Верчика об этом периоде можно почерпнуть несколько релевантных сведений: был активным делегатом двух съездов КПЧ в 1921 году. На II и IV съездах партии избирался в Центральный исполнительный комитет КПЧ, а на IV конгрессе Коммунистического интернационала (далее КИ) возглавлял чехословацкую делегацию. В 1924 г. на V конгрессе КИ вошел в состав ее руководящего органа – Исполкома. Сам Готвальд был избран в Исполком КИ в 1928 году.

его деятельности на лидирующих постах в КПЧ не стали главными в причинах, по которым впоследствии он оказался за рамками подвижной границы официальной памяти коммунистического режима. Самым тяжким грехом Верчика считался поступок, связанный с периодом Словацкого государства. В 1942 году, после проведенного органами государственной безопасности расследования, он специально написал антисоветский и античешский сборник «Мое отношение к национальному вопросу». По его словам, тем самым он пытался обмануть власти и получить алиби, поскольку его обвиняли в том, что он представляет угрозу для Словацкого государства¹.

Но этим он прежде всего обманул послевоенные следственные органы, а затем это же сослужило добрую службу компрометирующим и фальсификаторским стремлениям стражей культа Готвальда – прежде всего главному архитектору историографического канона по истории рабочего движения и КПЧ в Словакии Милошу Госиоровскому². Верчика, используя компиляции, обвинили в пособничестве в становлении фашистского режима и коллаборационизме, приговорив к четырем годам лишения свободы. Как утверждает Млынарик, обвинительный акт приписывал ему и более серьезные прегрешения, которые, однако, не были доказаны. Тем самым сочинение «Мое отношение к национальному вопросу» стало главным аргументом обвинения [см.: 9, s. 348–349].

Воспоминания Верчика, написанные в 1940-е гг., указывают на замалчиваемую историю Коммунистической партии в Словакии. Историография начала систематически открывать его лишь в 1960-е гг. (особенно во второй половине), когда догматический подход, опирающийся на предельно искаженные воспоминания и свидетельства, отступил в результате политической разрядки, в том числе в сфере общественных наук, и особенно поворот *ad fontes*. Стали появляться работы, в конце 1960-х гг. отторгшие и сломавшие априорный шаблон о деятельности Коммунистической партии в межвоенный период «как революционного авангарда пролетариата, которая в результате процесса большевизации сумела, под руководством Готвальда, во все большем масштабе правильно применять верную линию международного коммунистического движения в чехословацких условиях; как массовой политической партии с весьма значительным (или даже решающим) влиянием на политическое развитие страны» [18, s. 37].

Работы, опирающиеся на источники, вытесняли из истории Коммунистической партии Словакии первой половины 1920-х годов Клемента Готвальда и возвращали в нее Верчика, Шварца и других бывших грешников [см.: *Ibidem*]. В 1963 году один из самых известных словацких историков-марксистов Людовит Голотик обратился к личности Верчика в своей статье по тематике съезда в Любохне в январе 1921 г., правда, в несколько амбивалентном ключе. В начале статьи он априори заявляет, что «революционерами не считаются те радикалы, которых вынесла революционная волна, но которые по самым различным причинам уже в двадцатые

¹ Verčík J. Životopis J. Verčíka IV. [Strojopis]. Archiv Národného múzea. Praha. F. Verčík. Kr. 1. A. j. 2b. Fol. 71–72.

² Историк-самоучка М. Госиоровский с 1949 г. был заведующим кафедрой истории ЧСР, СССР и стран народной демократии, в 1950–1953 гг. – член ЦК КПС, в 1951–1953 гг. – ответственный за работу партийного отдела пропаганды и отдела образования, науки и культуры. Автор первого марксистско-ленинского издания «Очерки истории рабочего класса в Словакии» (*Príspevok k dejinám slovenského robotníckeho hnutia*. Bratislava, 1951).

годы отошли от движения» [4, s. 339]. Наряду с критикой выступления Верчика на съезде и осторожной похвалой («Все же доклад Верчика на любохнянском съезде нельзя оценивать негативно»), в примечании автор констатировал: «В первой половине двадцатых годов он относился к ведущим деятелям КПЧ в Словакии» [4, s. 351].

Созданный вокруг Клемент Готвальда вакуум, ставший одним из основных характерных черт истории КПЧ в 1950-е гг., начал постепенно заполняться. Логическим следствием было то, что все значения и заслуги, которые ранее в тщательно заретушированных образах Готвальда были связаны лишь с его именем, в результате архивных исследований и ослабления политического контроля перераспределялись и на тех, кто оказывался рядом с ним.

Итогом поворота к источникам, а также одним из последних примеров отголосков потепления в издательской политике во второй половине 1960-х гг. явился обобщающий труд «Краткая история КПЧ в Словакии», изданная в 1971 году. З. Голотикова написала в нем часть, включающую и период деятельности Готвальда в Словакии. Хотя данный обобщающий труд нельзя сравнивать с хвалебной работой 1953 года, все же следует отметить, как тот же автор приблизился к человеку, который почти двадцать лет до этого стал центральной фигурой ее монографии. На первый взгляд, совершенно очевидно, что первые труды о коммунистическом движении в Словакии, которые возникли на основе последовательно строгих архивных исследований в 1960-е гг., вернули Готвальда из божественного одиночества первой половины 1950-х гг. туда, где он фактически находился – в узкий круг отлученных коммунистических активистов, с которыми он пришел в Быстрицу, а через год – во Врутки. С сентября 1922 г. издавались «Hlas ľudu», «Proletárka», «Spartakus», а также многие другие профсоюзные журналы во Врутках [см.: 8, s. 72].

В их числе – Верчик, ранее предатель, позер и фразер, а сейчас уже сложившаяся личность, напористый, покладистый, смелый, в разговоре и в письме гибкий и отзывчивый [16, s. 116–117; 9, s. 351]; жертвы сталинских процессов Ладислав Шварц и Барбора Резлерова-Шварцова; те, кто вышел из движения уже в середине 1920-х гг. (национал-большевик Людо Корень или староста Вруток от КПЧ и коммунист-депутат Штефан Дарула) и другие.

И напротив, Карол Бацилек, который в 1953 г. сумел вспомнить отшельническую историю Клемент Готвальда, был в гораздо более заполненном людьми обобщающем труде перемещен в 1930 год. Хотя уже в первой половине 1920-х гг. он стал одним из известных представителей местной организации во Врутках, а в движении был более заметным по сравнению с Готвальдом, он даже приблизительно не имел такого радиуса воздействия и влияния, как Верчик. Например, Млынарик опубликовал в своей книге статистические данные публичных выступлений и пришел к следующему выводу: «Из ораторов, которые являлись также ведущими деятелями КПЧ в Турце и в северо-западной Словакии, чаще всего можно было услышать выступления коммунистов, живших во Врутках, например, Юлиуса Верчика, то есть самого активного и известного деятеля словацкого коммунистического движения в двадцатые годы, которого как выдающегося оратора чаще всего посылали на собрания и массовые мероприятия. Часто выступали на собраниях и Юрай Штясны, Людовит Корень, Рудольф Минарик, А. Бартош, Йозеф Варга, Карол Бацилек, иногда Клемент Готвальд, а из женщин – прежде всего

Гермина Пфайлмайерова и Зузана Голанова» [8, s. 86]. Однако Верчик в обобщающем труде получил определенную сатисфакцию за якобы свои неудачи в двадцатые годы, когда он находился в политическом зените. В вопросе его деятельности в роли инструктора по Словакии была отвергнута его ответственность за недостатки в работе партии в годы его работы на посту инструктора ЦК КПЧ по Словакии, за что его критиковало руководство КПЧ [16, s. 158] и прежде всего: было признано авторство Готвальда в спорном и подвергшемся критике руководством КПЧ документе от июля 1926 г.: «Освободите Словакию от угнетательского аппарата буржуазии» [8, s. 154].

Однако даже эти осторожные оценки в последующий период нормализации подверглись нападкам. На шахматной доске словацкой историографии Верчика снова передвинули в безымянное поле, тогда как Готвальд триумфально возвращался на передовую позицию – на этот раз прежде всего в трудах Вильяма Плевзы¹ [15].

Нормализация, культ, фильм

В годы нормализации культ Готвальда в чехословацком обществе снова ожил, хотя и не приобрел такой интенсивности, как в 1950-е годы. Его тщательно сконструированный и глорифицированный образ приходит в мысли и сердца населения, хотя в более умеренном виде, но более широкими и общепринятыми путями, которые создавались вместе с распространением новых средств массовой информации. Революционным инструментом стало телевидение. Оно, в отличие от 1950-х гг., открыло невиданные ранее возможности для использования кинопродукции в идеологических целях, которая еще с межвоенного периода являлась мощнейшим пропагандистским оружием. Это можно отнести и к жанру исторического фильма. Внимание коммунистических элит в Чехословакии было приковано к нему на начальном этапе построения социалистической диктатуры. В постановлении (1950 г.) Президиума ЦК КПЧ указывалось, «что исторический фильм должен обращаться к актуальному настоящему, показывать прогрессивные традиции народа и подчеркивать роль коммунистической партии в борьбе рабочего класса против капитализма и за торжество социализма» [17, s. 25].

Эта точка зрения, которая последовательно воплощалась в 1950-е гг., с новой интенсивностью возвращалась и в период нормализации. Новое и более широкое значение приобретало осмысление, поскольку оно относилось уже не только к тому фильму, который имел свое зарезервированное место в публичных кинотеатрах, но к фильму телевизионному и серийному творчеству, которое ежедневно транслировалось в домах широких слоев населения.

Убедительность изображавшегося фильмом действия заключается в его визуальной конкретике. Исторический фильм, который претендует на изложение для зрителей картин прошлого и тем самым конкурирует с историческим текстом, может – как и текст – скрывать что-то только тем, что оно не отражается в конкретной сцене. Но если в тексте о короле можно обойти факт, что он голый, то в фильме сделать это не так просто. Кинообраз должен отражать «полностью» свой персонаж, особенно если он находится в центре внимания – с большим количеством черт и взаимодействий с внешним миром; тогда он сможет достичь своей цели. Нужно дать

¹ Плевза, который был научным редактором труда «Prehľad dejín KSČ na Slovensku», в середине 1970-х годов написал работу о коммунистическом движении в Словакии: «Trvalé hodnoty»; в ней он фактически вернулся к догматическому канону и стереотипам 1950-х годов.

зрителю ощущение, что для него возродилось прошлое, чтобы избежать впечатления, будто он видит всего лишь пустую и примитивную пропаганду. Эффективность фильма заключается в том, что своими специфическими средствами он потенциально может как можно теснее приблизиться к представлению Ранке о роли истории, представлять, «как было на самом деле». При этом в каждом случае невыполнимое требование подобной комплексности кроется и его уязвимом месте. Создатель фильма либо добросовестно реконструирует полную картину реальности на основе исторических фактов, либо же он вынужден их выдумать. У него нет выбора – в последовательности изображений он обязан предъявить конкретную тотальность, либо изложить совокупность исторических реалий. В этих требованиях кроются фактографические слабые стороны исторического фильма как такового, но в этом заключается и сила его психологического убеждения, его потенциал для использования в целях пропаганды.

Авторы одного из немногих исследований, которые занимаются изображением К. Готвальда в чехословацком кино и на телевидении, ссылаются в этой связи на слова философа Мирослава Петржичка: «Кино, а в этом заключается его (риторическая) сила, всегда несет в себе нечто из не вызывающего сомнений фотоснимка: так было. Но это – иллюзия ничуть не больше, нежели во многом проблематичная вера в истинность истории Мишле. Кино, как и книга, воскрешает прошлое по тем следам, которые после него остаются. Цитируемый в тексте документ является столь же реальным, как и костюм в историческом фильме; в обоих случаях речь идет об определенном отборе фактов, который подчинен общему понятию или образу. И в этом плане фильм всегда будет более эффективным, если речь идет о реконструкции прошлой жизни. Исторические фигуры на киноэкране оживают» [13, s. 15–16; см. также: 2, s. 4, 6].

Если говорить о фильме «Зрелая молодость» периода нормализации – единственном в чехословацком кинематографе, посвященном деятельности Готвальда в Словакии, то упоминавшаяся вера в правдивость его персонажей точно так же проблематична, как и вера в истинность книги 1950-х гг. о молодом Клементе Готвальде.

Кинофильм «Зрелая молодость» (1983)

Работа над фильмом велась ключевой инстанцией по изучению истории партии в Словакии – Институтом марксизма-ленинизма ЦК КПС. Он был создан 1 июня 1971 г. на основе постановления Президиума ЦК КПС, на базе бывшего Института истории КПС и являлся идеологическим гарантом нормализации в области общественных наук, в первую очередь в историографии. Профессиональным консультантом фильма стала сотрудница Института З. Голотикова, автор глорифицированного портрета Готвальда 1953 года. За тридцать лет, которые отделяют одно произведение от другого, словацкая история и сама историография коммунистической партии в Словакии пережили драматическое развитие и многие повороты.

Фильм «Зрелая молодость» – уже второй фильм, который появился в годы нормализации о начале политической карьеры К. Готвальда. Первым стал фильм «Двадцать девятый» (1976), который отражает ключевую веху в его жизни и в развитии КПЧ – год 1929. В этом году завершился проходивший в течение нескольких лет процесс большевизации Коммунистической партии Чехословакии, неразрывно связанный с карьерным ростом Готвальда – от поста главного редактора

словацкой коммунистической прессы до лидирующей роли в общегосударственной партии. Кинофильм «Зрелая молодость» посвящен еще более раннему периоду деятельности Готвальда в Словакии, т. е. 1921–1924 годы. Общим для двух этих фильмов является тот факт, что сценарии к ним были отмечены наградами на конкурсе литературных идей, объявленном в связи с 25-й годовщиной «Победоносного февраля». Одна из тем конкурса – жизнь и деятельность Клемента Готвальда. Сценарий фильма «Двадцать девятый» Ярослава Матейки и Антонина Кахлика получил в этой номинации первую премию, а сценарий фильма «Твердый хлеб» Максимилиана Нитры, являвшийся предвестником фильма «Зрелая молодость», получил широкое признание [2, s. 7–8].

В 1983 году авторы сценария получили уникальную возможность по-новому сконструировать образ «Готвальда в Словакии». История, начинающаяся с приезда Готвальда в Банскую Быстрицу в сентябре 1921 г., тем самым могла после трех десятилетий развернуться снова, на этот раз как на киноэкране, так и на экране телевизора. Но шанс этот был в большей или меньшей мере заранее обречен. Изображение Клемента Готвальда и кинореконструкция его пребывания в Словакию полностью соответствуют каноническому изображению Готвальда периода 1950-х годов. Учитывая, что съемки фильма проходили в начале 1980-х, а не 1950-х годов, а также то, что речь шла о фильме, а не о тексте, этот догматический канон выстраивался с еще большими трудностями, хотя и не без успеха.

Моментом истины, который многое открывает в степени инноваций в разработке темы, является одна из вводных сцен фильма. Первым, кого Готвальд встретил после своего прибытия на железнодорожную станцию в Банской Быстрице, был Карол Бацилек. Зовут его Карол Бачик, он бежит от жандармов. Но в фильме он появляется и несколько позднее, после приезда Готвальда во Врутки – в типографии «Братство», представ перед Готвальдом в очках и с фальшивыми усами, которые с него со смехом срывают стоявшие рядом работники типографии. Тот его узнает, и с этого момента Бацилека нередко можно видеть в окружении Готвальда.

Частое появление этой веселой, беззаботной, вплоть до комедийности, фигуры рядом с Готвальдом во Врутках, но также место и значимость других персонажей красноречиво говорят о том, кто же был главным источником вдохновения для создателей фильма. Они справились с задачей изображения истории политически-конформистскими методами и закрепили ее в официальных источниках, которые легли в основу деятельности Готвальда и в 1950-е годы. Из титров фильма узнаем, что над ним, помимо Института марксизма-ленинизма и Музея революционной прессы Клемента Готвальда, работали и многие живущие очевидцы. В 1983 году это могла быть только Мария Вавакова (1893–1985), которая являлась важным свидетелем в книге З. Гологиковой, вышедшей в 1953 г., а в самом фильме она представлена как одна из важнейших опор Готвальда. Это ангажированная театралка, организатор и воодушевленный агитатор, «мать и сестра» – как величает ее в конце фильма Готвальд.

Кто получал слово, тот и фигурировал в фильме. Из сопоставления воспоминаний следует, что, помимо М. Ваваковой, к ним относился и плотник-коммунист, участник Сопrotивления в годы войны, общественный деятель и обладатель нескольких наград Ондрей Стриж (1890–1961) из Банской Быстрицы. Среди свидетелей он занимал видное место – в пятидесятые годы при создании глорифицированного образа Готвальда в Словакии ему принадлежит роль главного свидетеля его приезда в Банскую Быстрицу [5; 12].

Общий настрой фильма возносит Готвальда в статус Прометея. Его решительность и авторитет проявляются не только в подготовке коммунистической печати и организации физкультурного движения, но и в любительском ангажированном театре. Он управляет, организует, комментирует, пишет, общается, достает велосипеды для проведения агитационной работы и в конечном счете в деревне, в которой ведет агитацию, помогает тушить горящий дом¹. О «твердокаменном» характере Готвальда, представленном в фильме «Зрелая молодость», можно сказать то же, что и о фильме «Двадцать девятый». Мы видим его «как молодого, полного решимости бороться человека, который ведет борьбу за рабочих... Он поступает мудро, не поддается эмоциям, как некоторые его однопартийцы... Фильм предлагает взглянуть на частную жизнь Готвальда, но даже эти сцены не выдают в этом политике человека, а лишь служат еще одним доказательством его изображения как коммунистического лидера. В официальной «твердокаменности» просто немыслимо было найти место для частной жизни, важнее было создать образ человека в высшей степени политического, человека-борца» [2, с. 7–8].

В фильме разыгрывается небольшой, но не раскрытый до конца сюжет – история любовных взаимоотношений К. Готвальда и деревенской девушки Милки. Готвальд отказывается от любви во имя работы в партии и коммунистической печати и – в стиле романтических революционеров штуровского типа – «следует за идеей» во Врутки. Задумчивое меланхолическое настроение вследствие несостоявшихся отношений, приукрашенное музыкой Светозара Страчины, тут же сменяется радостной атмосферой типографии «Братство» во Врутках, в которой разыгрываются сцены, лучше всего передающие настроение фильма. Там Готвальд оказывается в ситуации, которая описывается и в монографии З. Голотиковой. Он приходит с просьбой оказать помощь в издании газеты «Нлас Гуду». Все радостно окружают и приветствуют его, после чего он с воодушевлением принимается за работу над новым номером газеты. Еще более красноречивой выглядит другая сцена, когда Готвальд оказывается в своей комнате – одном из мест в типографии, которое ему выделили для проживания и работы. В небольшой комнатке вокруг гостя столпились одиннадцать человек. Люди, стоящие полукругом за спиной Готвальда, создают впечатление компании энтузиастов, которые слушают Готвальда и кивают. Они не перебивают друг друга, каждый говорит по отдельности, краткими фразами: металлическую кровать со словами «Клемо, она будто создана для тебя» – пробует собственным весом Бацилек; «ну что же вы хотите, металлическая кровать, твердые идеи» – приговаривает после него машинист Вавак; «белье тебе буду стирать я» – предлагает одна из женщин в платке; «наконец-то ты среди нас» – говорит в конце мастер из типографии. Затем все с улыбкой и удовлетворением наблюдают, как Готвальд радуется своему жилью².

Контрапунктом личности Готвальда снова, как и тридцать лет назад, выступает личность Верчика. В фильме это персонаж с фамилией Лакшик. По сравнению с книгой 1953 года он изображен более детально. Поначалу он вызывает симпатию, хотя его стихийно-крамольное поведение Готвальду сразу же не понравилось. Постепенно в его характере появляется все больше предостерегающих негативных черт.

¹ Фильм идет 44 минуты.

² 37,44–38,20 мин.

В ответственные моменты он проявляет нерешительность, в то время как Готвальд, в отличие от него, является воплощением решимости и рациональности. Когда его показывают в конкретных ситуациях, повторяются стереотипы, изображающие Верчика в 1950-е годы. Лакшику вменяется в вину, что из своей пятитысячной парламентской зарплаты он не отдает даже одной тысячи на прессу – «так, как это делают другие депутаты-коммунисты»¹. Он пытается поднять в коммунистической среде «судьбоносный национальный вопрос». Хотя Готвальд соглашается с ним, но, в соответствии с ортодоксальной политической линией, назидательно говорит: «В условиях капитализма решить национальный вопрос в принципе невозможно». Лакшик изображается человеком, который больше говорит, нежели работает, а при решении вопроса о трагической забастовке текстильщиков в Тренчине его изгоняют из типографии. Последняя сцена с ним уже прямо указывает на его «обуржуазивание». В полупьяном виде и с бутылкой шампанского в руке, среди ночи, он стучит в окно, за которым работает Готвальд. Он говорит ему, что жизнь нужно понимать и познавать, что его тянет к отдыху, развлечениям и наслаждениям. За его спиной стоят две смеющиеся дамы в городской одежде. Усталый и недовольный Готвальд, конечно же, отказывается от столь сомнительного предложения.

Заметное изменение в готвальдовской мифологии по сравнению с 1950-ми годами произошло в связи с двумя другими персонажами. Пострадавшие от сталинских репрессий Барбора Резлерова-Шварцова и Ладислав Шварц, которые в процессе десталинизации в Чехословакии вернулись в официальную память, также появляются в «Зрелой молодости». Они, в отличие от Верчика, остаются на стороне правых, но находятся на заднем плане.

В отличие от 1950-х годов, Ладислав Шварц в 1980-е гг. в официальной памяти уже был частично реабилитирован и возвращен в историю КПЧ в Словакии как видный деятель движения. В изданном в 1976 году обширном биографическом очерке читаем: «В течение всего периода его деятельности в 1921–1925 гг. (до лета) не было ни одной недели, чтобы мы с ним не встречались на различных рабочих мероприятиях – будь то организация партийных собраний, публичные партийные митинги, массовые собрания, заседания муниципального совета города Банская Быстрица, подготовка строительства Рабочего дома и пр. Везде мы видели его в качестве не только организатора, но и пламенного оратора и агитатора коммунистической политики» [10, с. 110].

Что касается трагического конца Шварца, палец умолчания на устах историографов остался. После отъезда в Россию он стал жертвой сталинских процессов, но до сих пор в наиболее полном биографическом издании, которое ему посвящалось в научной литературе, говорится предельно кратко: «умер в Москве» [Ibid., с. 112]. В 1938 году Ладислава Шварца арестовали, обвинили в шпионаже, он исключен из ВКП (б) и осужден на 5 лет тюремного заключения. Умер в тюрьме в 1940 году.² Такая же участь постигла и Барбору Резлерову, которая также закончила свой жизненный путь в Советском Союзе как жертва сталинского режима. В годы сталинских чисток она находилась под следствием, была исключена из партии, а в 1941 г. подверглась тюремному заключению и в том же году умерла.

¹ Верчик был депутатом Национального собрания в 1925–1929 годах.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Опись 272. Дело 523.

В последнее время о Барборе Резлеровой появилась большая статья Э. Угровой [19, s. 66–77]. Оба они – Шварц и Резлерова – после 1956 г. реабилитированы по-смертно, что дало им возможность снова вернуться в историю Чехословакии. Барбора Резлерова после возвращения в чехословацкую историографию в начале 1960-х гг. даже стала появляться в обывательском дискурсе. Ее личностью заинтересовался журнал для женщин «Slovenka», который уделял ей внимание как основательнице издания «Proletárka» [19, s. 76].

Персонаж фильма Барушка – Барбора Резлерова-Шварцова – в отличие от фиктивной Милки и свидетеля Марии Ваваковой – полноценно дополнила женскую линию в фильме. Опытный редактор, организатор и агитатор рядом с Готвальдом, в интерпретации Дианы Хорватовой она предстает, скорее, как визионер, устремленный в будущее, а также как муза, которая вдохновляла его творчески. Это является и ее ограниченностью. Воодушевленная, она вдохновляет и помогает найти точку опоры в моменты сомнения тому, от кого исходят реальные решения, статьи и поступки – Готвальду. Резлерова является повтором фигуры Ваваковой. Как и Марушка Вавакова во Врутках, так и Барушка Резлерова в Быстрице вселяют в Готвальда в минуты сомнений надежду и решительность. И Марушка, и Барушка – женщины замужние, но личность Готвальда обеим явно импонирует и во многих отношениях затеняет фигуры их мужей – Йозефа Вавака и Ладислава Шварца. Их взгляды – но легко поддаются впечатлению, что и сердца тоже – принадлежат Готвальду.

Фильм заканчивается первомайским днем 1924 г. во Врутках и пением Интернационала. Вместе с переездом партийной печати и ее редактора Клемент Готвальда в Оставу. В последних сценах он оказывается уже только на первом плане кучки прощающихся людей – сначала типографских работников в Братиславе (которые дарят ему трубку), а затем товарищей из Вруток и Быстрицы на железнодорожной станции. Среди них можно увидеть и тех, кто в 1950-е гг. еще не имел права быть изображенным в прометеевском образе «Готвальда в Словакии». В конце фильма 1983 года можно было бы использовать те же слова, какие отыскиваются в хвалебной книге 1953 года: он уходит после того, как «внес огромный вклад в основание партии, укрепил ее организационно, вознес идеологически, воспитал для партии преданных работников...» [5, s. 6]. Остается фактом, что историческая реальность наряду с однозначно хвалебной трактовкой личности Готвальда в очередной раз оказалась в проигрыше.

После 1989 года молодой Готвальд в образе Прометея, как и другие реквизиты, среди исторического хлама. Но до этого времени режим заботливо культивировал и ревниво оберегал его. Канон его эпических изображений, особенно тех, которые предназначались для широкой публики в пятидесятые годы, а затем в период нормализации, не претерпел существенных изменений. Как было продемонстрировано на двух «просветительских» произведениях, непосредственно затрагивавших тему «Готвальд в Словакии», его имидж менялся лишь в деталях. Тем не менее их можно считать в значительной мере показательными, отражавшими те изменения, которым подвергался режим не только в Чехословакии, но и в Советском Союзе. На иконном изображении можно было увидеть отдельных персонажей, появившихся в ближайшем окружении Готвальда. Их присутствие или отсутствие в официальной памяти режима было гораздо красноречивее, нежели простое отражение

исторической реальности, и являлось, скорее, следствием отлучения и чисток в рамках «святого сообщества» коммунистического движения.

Перевод со словацкого Э. Г. Задорожнюк

Список литературы

1. Дэвлин Дж. Миф о Сталине: развитие культа // Труды «Русской Антропологической школы». Вып. 6. М., 2009. С 213–240. URL: <http://ec-dejavu.ru/s-2/Stalin.html>
2. Bednařík P., Dominik Š. Zobrazení Edvarda Beneše a Klementa Gottwalda v československé kinematografii a televizních seriálech v období normalizace // Pražské sociálně vědní studie. Mediální řada. MED-018. Praha, 2011.
3. Benko J. Cesta Júliusa Verčička do Ruska v období diferenciacie sociálnej demokracie (1920) // Věstník grantu. KSČ a radikální socializmus v Československu 1918–89. Č. 10. Praha, 2004.
4. Holotík L. Sjazd sociálnodemokratickej strany (ľavice) na Slovensku v januári 1921 // Historický časopis. 1963.
5. Holotíková Z. Klement Gottwald na Slovensku v rokoch 1921–1924. Bratislava, 1953.
6. Hudek A. Najpolitickéjšia veda. Slovenská historiografia v rokoch 1948–1968. Bratislava, 2010.
7. Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. New York and London, 1968.
8. Mlynárik J. Robotnícke hnutie v Turci 1918–1938. Banská Bystrica, 1969.
9. Mlynárik J. Spor o Júliusa Verčička // Historický časopis. 1994. Roč. 42. Č. 2.
10. Motoška V. et al. Z prvých bojov a víťazstiev. Banská Bystrica, 1976.
11. Nečásek F. Mláďi Klementa Gottwalda. Praha, 1950.
12. Október 1917: spomienky na jeho ohlas u nás. Ed. Ján Mlynárik. Bratislava: SNPL, 1957.
13. Petříček M. Filmové dějiny // Film a dějiny. Ed. P. Kopal. Praha, 2004.
14. Pleva J. Václav Chlumecký. Martin, 1958.
15. Plevza V. Trvalé hodnoty. Zv. 1. Bratislava, 1976.
16. Prehľad dejín KSČ na Slovensku. Ed. V. Plevza. Bratislava, 1971.
17. Rak J. Film v proměnách moderního českého historizmu // Film a dějiny. Ed. P. Kopal. Praha, 2004.
18. Šuchová X. KSČ na Slovensku v medzivojnovom období ako predmet slovenskej historiografie // Věstník grantu. KSČ a radikální socializmus v Československu 1918–89. Č. 3. Praha, 2002.
19. Uhrová E. Česká novinářka Barbora Rezlerová-Švarcová. Neznámá postava v zrcadle známých udalostí v 1. polovině 20. století // Bolševismus, komunizmus a radikální socializmus v Československu. Sv. V. Praha, 2005.
20. Zavacká M. Slzy smůtku, slzy radosti, zlé a dobré správy. Reakcie štátu a obyvateľstva na smrť J. V. Stalina a K. Gottwalda // Petruš P. a kol. Slovensko a Československo v XX. storočí. Bratislava, 2010.

Поступила 12.07.2017; принята к публикации 12.08.2017

Бенко Юрай, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела новейшей истории, Исторический институт Словацкой академии наук, г. Братислава, Словацкая Республика, juraj.benko@savba.sk

**CHANGES IN THE IMAGE
OF THE YOUNG KLEMENT GOTTWALD AFTER 1948****Juraj Benko**

The article is devoted to the analysis of the image of Klement Gottwald during his activity in Slovakia, which was formed during the years of socialist dictatorship in Czechoslovakia (1948–1989). This part of Gottwald's life, representing a short and specific period at the very beginning of his political career, preceded his career growth in the structures of both the Communist Party of Czechoslovakia and the state power. The author focuses on two works devoted to the study of this period and appeared at two different stages of the socialist dictatorship: the historical monograph of Zdenka Holotíková, which was published in 1953, and the Slovak historical film “Mature Youth” (1983). In the period between the appearance of these two products, the state of historical knowledge has changed. In the 1960s, many interpretative dogmatic schemes disappeared from historiography, including the image of the young Gottwald, who lost his Promethean pathos. However, the subsequent normalization period reversed this process, which could not but be reflected in the figure of Gottwald, which again was turned into a stabilizing element of the regime. As a result, the canonical image of the young Gottwald in the two works mentioned, as in other works, did not undergo significant changes. The image has changed, more likely, in details, but they were mainly witnesses. The study shows how the changes in the political situation in Czechoslovakia and the Soviet Union influenced the appearance or removal from the historical context of a particular figure. The presence or absence of historical figures – Gottwald's associates in the period of the formation of the communist movement in Slovakia in the 1920s. – in the official memory of the regime was to a lesser extent a reflection of historical reality, and more – a consequence of excommunication and rehabilitation within the communist movement.

Keywords: Klement Gottwald, historiography, historical memory, socialist dictatorship, Czechoslovakia 1948–1989, propaganda, film.

Acknowledgements: the article was prepared within the framework of the project “Kontinuity a diskontinuity politických a spoločenských elít na Slovensku v 19. a 20. storočí”, supported by the Agency for the Support of Research and Development; Contract No. APVV-14-0644.

The article was translated in the framework of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Benko J. Changes in the image of the young Klement Gottwald after 1948. *West – East*. 2017, no. 10, pp. 136–153.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-136-153

References

1. Devlin J. Mif o Staline: razvitie kul'ta [Myth about Stalin: cult development]. *Trudy «Russkoj Antropologicheskoy shkoly»* = Proceedings of the “Russian Anthropological school”, issue. 6. Moscow, 2009, pp. 213–240. Available from: <http://ec-dejavu.ru/s-2/Stalin.html> (In Russ.)
2. Bednařík P., Dominik Š. Zobrazení Edvarda Beneše a Klementa Gottwalda v československé kinematografii a televizních seriálech v období normalizace [The presentation of Edvard Beneš and Klement Gottwald in Czechoslovak cinematography and television series in the period of normalization]. *Pražské sociálně vědní studie. Mediální řada* = Prague Social Science Study. Media series, MED-018, Praha, 2011. (In Czech.)

3. Benko J. Cesta Júliusa Verčiča do Ruska v období diferenciacie sociálnej demokracie (1920) [Július Verčič's Way to Russia in the Period of Social Democracy Differentiation (1920)]. *Věstník grantu. KSČ a radikální socializmus v Československu 1918–89* = Grant Bulletin. Communist Party and radical socialism in Czechoslovakia 1918–89, Č. 10. Praha, 2004. (In Slovak.).
4. Holotík L. Sjazd sociálnodemokratickej strany (ľavice) na Slovensku v januári 1921 [Meeting of the Social Democratic Party (Left) in Slovakia in January 1921]. *Historický časopis* = Historical magazine. 1963. (In Slovak.).
5. Holotíková Z. Klement Gottwald na Slovensku v rokoch 1921–1924 [Klement Gottwald in Slovakia in the years 1921–1924]. Bratislava, 1953. (In Slovak.).
6. Hudek A. Najpolitickjšia veda. Slovenská historiografia v rokoch 1948–1968 [The most political science. Slovak historiography in the years 1948–1968]. Bratislava, 2010. (In Slovak.).
7. Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. New York and London, 1968. (In Engl.).
8. Mlynárik J. Robotnícke hnutie v Turci 1918–1938 [The Workers' Movement in Turks 1918–1938]. Banská Bystrica, 1969. (In Slovak.).
9. Mlynárik J. Spor o Júliusa Verčiča [The dispute over Július Verčič]. *Historický časopis* = Historical magazine, 1994. Roč. 42. Č. 2. (In Slovak.).
10. Motoška V. et al. Z prvých bojov a víťazstiev [From the first battles and victories]. Banská Bystrica, 1976. (In Slovak.).
11. Nečásek F. Mláďi Klementa Gottwalda [Youth of Klement Gottwald]. Praha, 1950. (In Czech.).
12. Október 1917: spomienky na jeho ohlas u nás [October 1917: memories of his response to us]. Ed. Ján Mlynárik. Bratislava: SNPL, 1957. (In Slovak.).
13. Petříček M. Filmové dějiny [Film history]. *Film a dějiny* = Film and History, ed. P. Kopal. Praha, 2004. (In Czech.).
14. Pleva J. Václav Chlumecký [Vaclav Chlumecky]. Martin, 1958. (In Slovak.).
15. Plevza V. Trvalé hodnoty. Zv. 1 [Permanent values. Vol. 1]. Bratislava, 1976. (In Slovak.).
16. Prehľad dejín KSČ na Slovensku [Overview of the CPC History in Slovakia]. Ed. V. Plevza. Bratislava, 1971. (In Slovak.).
17. Rak J. Film v proměnách moderního českého historizmu [Film in Transformations of Modern Czech Historism]. *Film a dějiny* = Film and History, ed. P. Kopal. Praha, 2004. (In Czech.).
18. Šuchová X. KSČ na Slovensku v medzivojnovom období ako predmet slovenskej historiografie [KSČ in Slovak Republic in the Interwar Period as Subject of Slovak Historiography]. *Věstník grantu. KSČ a radikální socializmus v Československu 1918–89* = Grant Bulletin. Communist Party and radical socialism in Czechoslovakia 1918–89, Č. 3. Praha, 2002. (In Slovak.).
19. Uhrová E. Česká novinářka Barbora Rezlerová-Švarcová. Neznámá postava v zrcadle známých udalostí v 1. polovině 20. Století [Czech journalist Barbora Rezlerová-Švarcová. Unknown figure in the mirror of known events in the first half of the 20th century]. *Bolševismus, komunizmus a radikální socializmus v Československu* = Bolshevism, communism and radical socialism in Czechoslovakia, Sv. V. Praha, 2005. (In Czech.).
20. Zavacká M. Slzy smútku, slzy radosti, zlé a dobré správy. Reakcie štátu a obyvateľstva na smrť J. V. Stalina a K. Gottwalda [Tears of sorrow, tears of joy, evil and good news. State and Population Reactions to the Death of J. V. Stalin and K. Gottwald]. *Petruf P. a kol. Slovensko a Československo v XX. storočí* = Petruf P. et al. Slovakia and Czechoslovakia in XX. century, Bratislava, 2010. (In Slovak.).

Submitted 12.07.2017; revised 12.08.2017

Juraj Benko, Ph. D. (History), Research Fellow at the Department of Interwar and WWII history, Institute of History of Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovak Republic, juraj.benko@savba.sk